

Т. Б. ДИАНОВА
(Москва)

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И УСТНАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ: К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В отношении автобиографических рассказов в фольклористике сложилась в некоторой степени парадоксальная ситуация. Казалось бы, интерес к индивидуальному, личному, бытовому (внехудожественному) осмыслению повседневности носителями традиции проявляется на периферии проблемного поля науки. Однако обращение к текстам, полностью или фрагментарно воспроизводящим личный жизненный опыт (*personal experience story*), в которых рассказчик, как правило, является одновременно и главным героем, в современной фольклористике происходит все чаще. Это закономерно объясняется не только общеизвестным «нарративным поворотом» и интересом к личности в гуманитарных субдисциплинах, но и их усложняющимся взаимодействием (в частности, наложением биографических методов истории литературы, культурной антропологии, социологии, психологии и устной истории)¹. В то же время было бы несправедливым отрицать и внутреннюю причину этого: тенденция к расширению исследовательского поля фольклористики во многом вызвана изменением структуры полевого материала

¹ Интерес к автобиографиям проявляют представители различных направлений в фольклористике: наиболее активно их начали исследовать в 60—80-е гг. XX в. в связи с памятью о войне и семейной историей (А. В. Гончарова, Л. Е. Элиасов, В. В. Блажес), всплеск исследований военных и семейных меморатов отмечается в последнее десятилетие (И. А. Разумова, И. В. Веселова, В. В. Баранова, А. Л. Топорков, проведенный в 2008 г. Российско-французскую летнюю школу «Автобиографические практики в культурном контексте»), на материале устных жизнеописаний начали интенсивно работать и диалектологи, см.: [Волошина 2008].

и диспропорционально стремительным нарастанием в профессиональных коллекциях количества автобиографических текстов. Определенный интерес к ним был проявлен в отечественной науке уже в двадцатые годы прошлого века [Юргин, 1929]. Периодически крестьянские жизнеописания попадали в поле зрения фольклористов в 1940—80-е гг. в связи с изучением несказочной прозы, в том числе военных воспоминаний. Так, известный иркутский исследователь В. П. Зиновьев составил значительную коллекцию устных автобиографических повествований и произведений других ранее не исследованных циклов достоверной устной прозы [Новикова 2003], не одно десятилетие эта тема занимает отдельных исследователей и научные центры Карелии, Екатеринбурга, Кургана, Санкт-Петербурга, Москвы и проч.

В многочисленных определениях автобиографического текста устойчиво отмечаются его основные признаки: это жизнеописание человека, составленное им самим (ср., например, у М. Михеева, который дает определение дневнику как *эго*-тексту — «(1) это текст о себе самом, то есть имеющий своим объектом обстоятельства жизни самого автора, и (2) — текст, написанный с субъективной авторской точки зрения, то есть человеком из эгоцентрической позиции» [Михеев 2006, 5]. Под определение «личного текста» попадает множество явлений: «автобиографии, биографические интервью, интервью или самостоятельно подготовленные тексты по семейной истории, мемуары, воспоминания, свидетельства, дневники, подборки писем. К ним примыкают комментированные самими авторами генеалогии, альбомы (семейных фотографий, молодежного фольклора) и некоторые другие источники. В зарубежной литературе эти виды текстов называются по-разному: *life stories*, *family history*, *oral history*, *biographical interview*, *recits de vie*, *autobiographies*, *genealogies*, *Biographieforschung*, *la literature personnelle ou intime*, etc» [Голофаст 2009]. Значительная часть устных жизнеописаний из фольклорных архивов получена в результате различно-

го рода интервью, в которых верифицируется личный и социальный опыт рассказчика, исследуется глубина его памяти в соотношении с традицией. Многие из фольклорных устных нарративов содержат автобиографическую информацию (например, рассказ о собственной свадьбе, текст воспоминаний о войне или демонологический меморат), они организованы как последовательное повествование о реальных событиях собственной жизни. Однако автобиографическая составляющая нередко сопряжена с иной традиционной «фольклорной» сюжетикой, как например, в жанрах суевренных меморатов, некоторых разновидностях бывальщин, легенд и исторических преданий, в которых рассказчик как герой повествования, по меньшей мере, равноправен с иными персонажами. Тем не менее, с недавнего времени именно жизнеописание как особая форма памяти и тип повествования вызывает серьезный интерес исследователей [Хакамииес 2004], в поле зрения которых попадают разные виды собственно автобиографических текстов. Среди них как устные, так и письменные свидетельства, зафиксированные от деревенских и городских жителей, полученные в результате целенаправленных поисков (например, проектов по фиксации «устной истории», исследованию семейных родословных или каких-либо частных аспектов жизни городских субкультур) или попавшие в фольклорные коллекции в виде «сопутствующего» материала, своего рода «шлака», ранее не востребованного наукой и не получившего четкой жанровой дефиниции (их обычно определяют как «устный рассказ», «рассказ о прошлом», «автобиографический меморат»). Отсутствие однородности в автобиографической традиции, на наш взгляд, объясняется не только поздним происхождением ее наиболее манифестных письменных форм, но и изначальным разнообразием тех коммуникативных практик, в которых возникали эго-тексты. Настоятельная потребность в исследовании видов автобиографических практик возникает не только в сфере традиционного фольклора, но и в неизбежной перспективе будущих

масштабных исследований Интернета, в значительной мере заполненного разного рода эго-текстами.

Эти задачи требуют поиска адекватной методологии. Основная сложность заключается в том, оценивать ли устную автобиографическую традицию в сложной совокупности составляющих ее уровней и многообразии текстов или рассматривать их виды по отдельности? Какие методы описания, систематизации и исследования фольклорных автобиографий наиболее адекватны материалу, ведь автоматически и полностью перенести на них методологию исследования художественных или речевых текстов невозможно, несмотря на несомненную эвристическую ценность филологических концепций в части изучения биографической прозы и языка биографий?² Поиск ответов на эти вопросы и стал причиной обращения к этому материалу.

Традиционная культура располагает различными формами обобщения и передачи событий собственной жизни самим повествователем. Обращение к личному опыту происходит в разных ситуациях, с различными целями и порождает тексты различной жанровой природы (сравним, например, «обмирание» и семейную родословную). Уже одно это позволяет говорить не об их единстве, а, скорее, о различных проявлениях в традиции автобиографического дискурса³. Ведь при всем их

² Среди наиболее авторитетных исследователей автобиографии как культурного и литературного феномена — М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, Л. Я. Гинзбург [Бахтин 1979; Лотман 1992; Гинзбург 1974] и многие другие (библиография литературоведческих исследований автобиографий обширна и разнопланова).

³ Осознавая «перегруженность» и неоднозначность термина «дискурс» в современных гуманитарных исследованиях, тем не менее, полагаю, что именно он дает возможность охарактеризовать устные автобиографии как единую и в то же время сложную систему, воспроизводимую в традиции в ходе реализации автобиографических практик. Употребление термина «дискурс» как родовой категории по отношению к понятиям «текст», «речь» (одно из определений — речь, вписанная в коммуникативную ситуацию, по меткому выражению Н. Д. Арутюновой,

различия остается и несомненное сходство — в каждом из них воспроизводятся, заново переживаются, комментируются события и факты собственной жизни автора как представителя традиционной культуры, что не может не проявиться в их формальной и смысловой общности.

В. Б. Голофаст основывает свою классификацию автобиографий на принципе авторства: созданные самими авторами независимо от кого-либо в условиях аутокоммуникации [Лотман 1992] (это автобиографии и другие так называемые личные документы (дневники, подборки писем, девичьи альбомы, мемуары, истории семей, генеалогии, свидетельства), включая и их технические формы: кино-, фото-, видео-, магнитофонная запись), спровоцированные исследователем (в ходе интервью в форме диалога или монолога) и, наконец, написанные профессионалами (коммерческие биографии, литературные, официальные, некрологи, энциклопедические справки, биографии, написанные историками). По понятным причинам для фольклорной традиции третья форма не актуальна, а первые две требуют внимательного рассмотрения и коррекции, с тем чтобы продемонстрировать, как автобиографический дискурс проявляет себя в традиционной культуре.

Письменные формы жизнеописаний — хотя и наиболее показательное, но, несомненно, позднее, индуцированное литературой явление. Они пока останутся за рамками нашего внимания именно в силу их вторичности, хотя их ориентация на особенности устного биографического дискурса несомненна. И. А. Разумова, например, рассматривая совокупно письменные и устные свидетельства, определяла их как функционально близкие типы сообщений, что обнаруживает «высокую степень сходства структурной организации, семантики и топики» [Разумова, 187].

Личное жизнеописание в традиционной культуре представляет интерес, «дискурс — это речь, погруженная в жизнь» позволяет обобщить свойства разножанровых текстов, выявить те правила, по которым они строятся и функционируют.

прежде всего, как приложение индивидуального опыта к коллективному, единичного к типическому, поэтому в чистом виде изначально для традиции нехарактерно. Индивидуальное сознание проявляет, оценивает и описывает себя постольку, поскольку это значимо для общей истории, ценностей, быта. Оно инкрустировано в те фрагменты фольклорной системы, где не только повествование о себе, но и оценка собственного прошлого в приложении его к настоящему, его переживание востребованы.

1. Наиболее ярким примером того, как в архаических пластах фольклора может проявлять себя автобиографический дискурс, могут послужить импровизационные жанры, прежде всего причитания [Пчеловодова 2009]. В свадебных и похоронных причитаниях элементы жизнеописания (невесты, вдовы, причетницы) — это, безусловно, типические события, изложенные в типических формах. Их отличительной чертой является концентрация на чувственной стороне осознания собственного опыта, его переживании. Термин «биографическое переживание» активно используют психологи⁴, социологи и литературоведы (в исследованиях лирики). Так, у Л. Я. Гинзбург нередко находим: «жизненные», «частные», «индивидуальные» переживания в качестве важнейшего элемента содержания лирического произведения [Гинзбург 1974]. Например, в похоронных причитаниях мотив ухода за больным представляет собой описание поведения и чувств «автора» причитания, в котором соблюден баланс между событийной и чувственной сторонами биографического факта⁵. В этих фрагментах наряду с достаточной индивидуализацией отдельного биографического переживания прослеживается и явная типовая основа повествования. В других видах причитаний биографическая составляющая также достаточно распространена.

⁴ Особенно последователи так называемой трансперсональной психологии.

⁵ См., в частности, типичные примеры в «Плаче по дочери» и в «Плаче по дяде двоюродном» в сб. [Причитания 1997, 104, 174], соответственно, ст. 18—50 и ст. 60—100.

К другим жанрам, содержащим биографические импровизации, в русской традиции можно отнести колыбельные песни. В большей степени песенная форма биографического дискурса присуща угрофинским народам. Так, один из песенных жанров удмуртов — всяк крезь, тексты которых «состоят из отдельных слов, асемантических слогов, междометий и частиц, перемежающихся со смысловыми лексическими вставками, которые содержат в себе факты автобиографического характера или комментируют происходящие события» [Пчеловодова 2009]. В изданиях русских лирических песен импровизации, скорее, исключение. Так, в сборнике «Фольклор Русского Устья» встречаем такой текст:

*Я сидела, Ивановна,
Широкие рукува
Конец камешку дрэсьве
И сидела Ивановна
Любовалась, красовалась
Конец камешка дрэсьве
Вишой дубравой зеленой.
И любовалась, красовалась
И глядела я, смотрела
Вишой дубравой зеленой
Вдоль по Яне по реке.
Ожидала своего служивого
Получила известие
Приезжает служивенькой
Через горных тонгусов
Разбольшой его начальничек.
Про своего про служивого.
Повышила Ивановна
Поужила Ивановна
И поширила широкие рукува*
[Фольклор Русского Устья 1984, № 158].

В комментариях указано, что записано два варианта, в рукописях АЯФ № 777 и 778 с примечанием, что песня местного происхождения и ее другие варианты не обнаружены. Обращает на себя внимание тот факт, что описанные события и исполнительский акт, в отличие от прозаических текстов автобиографических воспоминаний, недалеко отстоят друг от друга во времени (как зачастую принято и в причитаниях).

Близок по форме к причитаниям и вариант песни явно импровизационно-

го характера из Воронежской области, описывающий повседневную для «автора» бытовую обстановку:

*Ох, коровушка ты моя, кормилица,
Ох, буренушка ты моя, Марфушка,
Ты даешь моим дитяткам пить, пить,
Будут дитятки весело жить, жить.
Ох, коровушка ты моя, кормилица,
Ох, буренушка ты моя, Марфушка,
Не даешь ты мне, родная, спать,*

спать,

*Заставляешь меня ты работать.
Вместе с зоренькой встану доить тебя,
Спозаранку проснусь кормить тебя.
Ты даешь моим дитяткам пить, пить,
Будут дитятки весело жить, жить*
[Народные песни 1993, 176].

При определенном сходстве биографических песенных и причетных импровизаций они отличаются структурой коммуникативной ситуации, в которой воспроизводятся. Причитание ориентировано на слушателя, в то время как песенно-лирический текст его напрямую не предполагает. Сближает их явное преобладание «переживания» над биографическим фактом и ограниченность событийного ряда.

2. В отличие от песенных импровизаций устный нарратив автобиографического характера создан в расчете на слушателя, требует коммуникативной «поддержки», может быть реализован в диалогах и полилогах. Разнообразие конкретных условий, при которых он возникает, практически не описано. Позволим, не претендуя на исчерпанность, назвать некоторые из них:

— ситуация «самопрезентации», возникающая при первых контактах, так хорошо знакомая собирателям фольклора. Если эта фаза по какой-либо причине пропущена в начале интервью, она, так или иначе, «всплывает» в дальнейшем;

— обмен воспоминаниями в семейном и дружеском кругу, коммуникативные установки рассказчика при этом крайне различны: от назидания и намеренной передачи опыта до желания позабавить, удивить, мистифицировать⁶.

⁶ Некоторые замечания о бытовании биографических нарративов в «семейном информационном пространстве» высказала

Сюда же можно отнести и ситуации, основной смысл которых — провести досуг, скоротать время в дороге (ср. ни к чему не обязывающие «поездные откровения», вошедшие в качестве одного из излюбленных приемов в литературу);

— близка предыдущей ситуация, когда воспоминание о собственной жизни спровоцировано или поддержано видеорядом (комментарии к семейному фотоальбому) [Власова 2008];

— передача традиционных знаний (об обрядах, традициях, хозяйственной, технической и иной деятельности) с иллюстрациями из собственного опыта, зачастую возникающая непосредственно в ходе самой деятельности;

— наконец, управляемый с помощью программ и вопросников исследовательский диалог (интервью).

Принципиальные различия между этими видами коммуникации определяются тем, кто является инициатором общения, насколько активно поддерживает и направляет его, является ли оно многовекторным или односторонним. В зависимости от конкретных условий выстраивается стратегия повествования, обретение рассказом формы жизнеописания или хрониката, полнота или фрагментарность презентации «жизненного текста». В результате мы получаем типовые жизнеописания, в которых прежде всего обнаруживаем развернутые повествования и крайне разнородные событийные ряды. Тематика этих нарративов, тем не менее, может быть систематизирована. Из множества событий личной жизни предметом передачи становятся те из них, которые, как правило, соотносены с основными «переходными» ритуалами, с переломными моментами истории семьи, рода или общей истории (по мысли М. Элиаде, биографические описания вообще появляются тогда, когда народ начинает осознавать себя в контексте собственной истории), наконец, те, что связаны с яркими, необычными или забавными явлениями. Особенностью традиционных устных биографий является способ типизации

личного опыта, при котором оказывается востребован широкий арсенал содержательных штампов и клише, предлагаемых традицией. Так, нередко в них можно встретить сюжеты «чудесного избавления от неминуемой гибели», «внезапного узнавания», «вещего сна», «несчастной судьбы» и т. п., которые рассказчики используют для описания собственной жизни.

Наш опыт, основанный на попытке формализации содержания биографических воспоминаний о войне, показал, что в них можно выделить несколько характерных для биографического дискурса уровней:

— событийный ряд (описание фактов, явлений, внешних действий), в основе которого лежит как реальная историческая основа, так и подлежащая исследовательской реконструкции глубинная структура, свойственная традиции нарративизации истории (например, применительно к рассказам о войне ее элементами становятся концепты «враг», «война», «смерть», «жизнь», «еда» и др.). Эти категории реализуются через систему типовых образов и мотивов, подпадающих формализованному описанию;

— биографическое переживание (описание внутреннего мира рассказчика, его собственной реакции на события и рефлексии по их поводу). В нарративах это, как правило, не только описания собственных чувств и мыслей, но и типовые восклицания («Это ж невозможно пережить, это страх берет!»). Соотношение событийного ряда и биографического переживания различно для отдельных типов биографий, например женских, детских, жизнеописаний образованных и неграмотных авторов;

— аксиологический уровень (соотношение описываемых событий с общепринятой системой ценностей). Зачастую оценка событий дается через фольклорные тексты (пословицы, поговорки, частушки), цитаты или типовые (расхожие) суждения и выводы. («Как говорится», «Жизнь прожить — не поле перейти», «Это нас, видно, Господь сохранял»);

— уровень биографических универсалий, к которым относятся мотивы,

типовые для жанра воспоминаний вообще. Наиболее актуальными универсалиями для устных биографий, на наш взгляд, являются сопоставление прошлого и настоящего (раньше и теперь), соотношение позиции зрелого автора и его же в момент описываемых событий, рефлексия по поводу памяти («трудно вспоминать, не могу вспоминать»), каждая из которых реализуется в типовых мотивах и формулах;

— актуально-коммуникативный уровень позволяет оценить, насколько рассказчик ориентирован на слушателя, какими репликами и приемами пользуется, устанавливая с ним взаимодействие по ходу рассказа (это, скорее, предмет интереса нарратологии, нежели фольклористики).

Разграничение вышеназванных уровней и составление формализованного описания биографических текстов на их основе открывает путь не только к последовательному сопоставлению устных традиционных биографий, выявлению их типов и сравнению с рукописными жизнеописаниями, но и к поискам их места в русской литературной автобиографической традиции.

3. Автобиографический дискурс проявляется и в поэтических фольклорных текстах, выполняющих в культуре функции репрезентации коллективной (этнической) памяти (некоторых разновидностях исторических песен), а также в текстах лирических песен и особенно частушек, обобщающих типовые переживания, в которых «сливаются» исполнитель и «лирический герой». Это своего рода псевдоавтобиографизм, который присущ некоторым типам текстов. В собирательской практике мы нередко сталкиваемся с ситуацией, когда спев песню, информант идентифицирует свою судьбу с ее содержанием («Эта песня (баллада, жестокий романс) про меня»). Из собственной практики припоминаю случай, когда небольшой хор исполнял песню «Соловей кукушку уговаривал», одна из присутствующих в момент записи женщин начала рыдать, а затем и причитать по недавно умершему мужу, вспомнив их былое взаимопонимание и любовь.

Собиратели многократно отмечают, что далеко не все информанты способны на полноценное повествование о себе и своей жизни, что это довольно редкий дар. Вот как об этом пишет В. Голофаст: «обнаружился очень странный парадокс (мы 15 лет занимаемся этими биографиями): биографии обычных людей просты, слишком просты, очень бедны, там почти нечего читать, там нет горизонтов. Там присутствуют довольно унылые штампы, банальные элементы, создается впечатление, что обычному автору автобиографии не нужна глубокая и детальная память, в этих текстах трудно найти рефлекссию, сомнения и колебания, вариативность, воображение и другие характеристики, которые характеризуют пространство памяти» [Голофаст 2004, 12]. В то же время традиционная культура дает своего рода «подпорки» для оформления и переживания собственного прошлого в виде рефлексивно организованных текстов, к которым, прежде всего, относится лирическая песня. Песенный текст, организованный во многом сходно с тем, как устроено воспоминание, компенсирует скудость индивидуальных автобиографий.

В этом смысле показательны недавно опубликованные В. М. Щуровым рукописные воспоминания А. И. Глинкиной, большая часть событийной канвы которых представлена через песенно-лирические тексты [Глинкина 2007]. В воспоминаниях выдающейся народной певицы особенно отчетливо выделена эмоционально-организующая роль песен, позволяющая ей осмыслить и интерпретировать события собственной жизни, чему, собственно, и служит мемуарный жанр. Заметим, что многие песенные зачины содержат указание на совместное воспоминание («Вспомни, вспомни, моя любезная, да нашу прежнюю любовь») или заведомую ретроспективность (например, «Эх, молодость, да ты молодость»). В коммуникативных актах описанного типа «отправитель» и «получатель» текста «сливаются», а художественно преобразованная реальность воспринимается исполнителем как собственная биография.

В заключение перечислим некоторые особенности автобиографического дискурса в традиционной культуре, которые представляются нам наиболее существенными: он дискретен, тематически неоднороден; реализуется как в нарративных текстах, так и вне их; представлен в разнообразии устных и письменных практик; его тематическое, смысловое и языковое наполнение реализуется через систему взаимосвязанных, поддающихся формализованному описанию уровней, к которым относится событийный ряд, его чувственное переживание, оценка, биографические универсалии и нарративные модели. В отличие от литературных и профессиональных жизнеописаний элементы традиционного дискурса в большей степени представлены типовыми мотивами, образными и вербальными стереотипами, свойственными традиционной культуре. Событийный ряд и биографическое переживание (рефлексия) в традиционных текстах представлены неравномерно и частично компенсируются готовыми поэтическими формами. Наиболее архаичные проявления автобиографического дискурса реализуются в обрядовой практике (причетных и песенных формах), к наиболее современному относятся письменные мемуары носителей традиции. Сопоставительное исследование биографических форм и особенностей их функционирования в фольклорной традиции позволит полностью взглянуть на самого носителя традиции и тем самым приблизиться к нему.

Литература

- Бахтин 1979 — *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Власова 2008 — *Власова Т. А.* Рассказывание, припоминание: нарративизация содержания семейных альбомов // Фотожурнал. Электронная публикация. <http://art.photo-element.ru/analysis/narrativ/narrativ.htm> 2008.
- Волошина 2008 — *Волошина С. В.* Реceptive жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008.
- Воспоминания 2006 — Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века. М., 2006.

Гинзбург 1974 — *Гинзбург Л. Я.* О лирике. Изд. 2-е, доп. Ленинград, 1974.

Глинкина 2007 — *Глинкина А. И.* Мое невольное детство. М., 2007.

Голофаст 2004 — *Голофаст В. Б.* Концепции индивида и пространство биографий // Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках. Чтения памяти Вениамина Иофе, СПб., 18—19 апреля 2003. СПб., 2004.

Голофаст 2009 — *Голофаст В. Б.* Новые ветры в социологии. http://www.pseudology.org/Golofast/Golofast_New_winds.htm 2009.

Исследования 2009 — Исследования визуальных аспектов культуры / В. Л. Круткин, Т. А. Власов. Ижевск, 2009.

Лотман 1992 — *Лотман Ю. М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1 Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992. С. 76—89.

Михеев 2006 — *Михеев М. Ю.* Дневник в России XIX—XX вв.: эго-текст или предтекст. М., 2006.

Народные песни 1993 — Народные песни Воронежского края. Антология / сост., вступ. ст. и примеч. С. Г. Лазутина. Воронеж, 1993.

Новикова 2003 — *Новикова Н. Л.* О Валерии Петровиче Зиновьеве // Живая старина. 2003. № 3. С. 50—51.

Причитания 1997 — Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. СПб., 1997.

Пчеловодова 2009 — *Пчеловодова И. В.* Балладные сюжеты в удмуртских лирических песнях. <http://istphil.udmedu.ru/arch/library/pchel.htm> 2009.

Разумова 2001 — *Разумова И. А.* Потенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001.

Фольклор Русского Устья 1984 — Фольклор Русского Устья. Л., 1984.

Хакамиес 2004 — *Хакамиес П.* Устная история — новая парадигма в финской фольклористике // Народные культуры Русского Севера. Фольклорный этнитет этноса. Выпуск 2: Материалы российско-финского симпозиума (Архангельск, 20—21 ноября 2003 г.) / отв. ред. В. М. Гацак, Н. В. Дранникова. Архангельск, 2004.

Юргин Н. Собрание крестьянских автобиографий // Художественный фольклор. Орган фольклорной подсекции литературной секции ГАХН / под ред. Ю. Соколова. Т. IV—V. М., 1929. С. 128—140.